

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-11

С. Н. Бредихин

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СМЫСЛОПОСТРОЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СТЯЖЕНИЙ)

В статье рассматриваются возможности адекватного перевода окказиональных стяжений и их интерпретативный потенциал в порождении новых смысловых конструкций как особых «схем действований» в разнонаправленных типах дискурса.

Ключевые слова: предложение-имя, интерпретация, схема действования, безэквивалентная лексика, переводческие трансформации.

S. N. Bredikhin

INTERPRETATIVE POSSIBILITIES OF SENSE DERIVATION WITHIN TRANSLATION PROCESS
(ON THE OCCASIONAL SHIFT)

In the article the adequate translation possibilities of occasional synereses and their interpretative potential within new sense construction as certain «acting scheme» in the multidimensional discourse are considered.

Key words: utterance-noun, interpretation, acting scheme, non-equivalent vocabulary, translation transformation.

Опыт работы с различного вида текстами и встречающимися в них сложными образованиями свидетельствует о необходимости прояснения транслатологических особенностей предложения-имени. Адекватный перевод отдельных образований и цельного текста с одного языка на другой связан с распознаванием присущих предложению-имени значения и смысла, с проблемой перекодирования значения в его смысл. В данной статье рассматриваются трудности перевода немецких многокомпонентных сложных предложений-имен. Возможности трансляции подобных лексем на язык перевода может затрудняться усложненной структурой, компонентной полисемантичностью, объективной необходимостью разложения их по компонентному составу внутри смысловых групп и т. п.

Нами была проанализирована структура и семантика как «чистых» единиц, номинативных конструкций, так и «смешанных», усложненных партиципами, адъективами,

числительными, предлогами и т.д. Подобные сложноструктурные предложения-имена оформляются чаще всего посредством дефисного написания.

При трансляции в принимающий язык такие лексемы претерпевают трансформации значения, изменяя предметно-понятийную отнесенность, расширяя или сужая смысловой объем. Часто встречается приобретение не свойственного ему ранее совокупного значения. Такие аспекты номинативной деятельности языка, как выбор мотивирующего признака для нового обозначения, выбор адекватной структуры наименования и определенного словообразовательного средства для ее создания, являются одновременно и оценкой, и интерпретацией именуемого объекта.

Сопоставительный анализ прецедентных текстов обнаруживает языковые единицы, относящиеся к безэквивалентной лексике исходного языка, не имеющие регулярных соответствий в переводящем языке.

Возможности безэквивалентной лексики могут выявляться только в отношении одного из пары анализируемых и сопоставляемых языков. Однако вышеозначенные сложности отнюдь не предполагают однозначной потери в процессе перевода коннотативных обертонов смысловой конструкции. При адекватной трансляции, даже с использованием трансформаций, возможно добиться передачи функционально-прагматической доминанты и когнитивных аспектов не прибегая к прямым соответствиям, которые, даже при их наличии могут заменяться контекстуальными соответствиями или окказионализмами с последующим прояснением значения.

«Взаимодействие интра- и экстралингвистических факторов при переводе есть универсалистский подход, задействующий все формы мыследеятельностных актов, оно осуществляется в любом языке. Однако распределение рефлексии по поясам мыследеятельности в каждом языке происходит по-разному, в зависимости от структурных возможностей языка» [3, с. 211]. Языки располагают синонимическими, однако не тождественными средствами, как одноуровневыми, так и разноуровневыми, служащими для вербализации одних и тех же смыслов, этот феномен обеспечивает и процесс внутриязыковых преобразований.

Кроме того, большинство языков характеризуется участием одинаковых языковых средств в процессах равнозначных преобразований. Однако необходимость конкретных переводческих трансформаций объясняется частичным или же полным несовпадением исходного и переводящего языков на системном уровне, в отношениях нормы и узуса, несовпадением средств репрезентации эквивалентных имманентных смыслов или средств описания.

Кроме прочих релевантных несовпадений, в системе порождения высказывания можно отметить наличие или отсутствие категории определенности/неопределенности или соотношенности/несоотношенности, а значит, наличие или отсутствие артикля в номинативной группе;

корреляции совершенного/несовершенного вида и процессуальности/результатива в системе языка.

В аспекте нормированности при описании свойств, состояний, качества денотата/референта разноструктурные языки обнаруживают обязательность или факультативность глагольного сказуемого в высказывании.

Чувство языка в аспекте «так не говорят» также является одним из ключевых моментов в избрании тех или иных переводческих преобразований.

По причине отношения внутреннего содержания к категориям экстралингвистическим и субъективным, а различий в нормах речевого поведения и экстралингвистическом опыте отправителя и получателя к характеристикам отнюдь не индивидуалистским, но объективным и формально-логическим, а именно принадлежности продуцента оригинального текста и реципиента целевого текста к различным лингвокультурным сообществам, переводческие трансформации являются следствием внелингвистических причин.

Как, например, в нашем случае при переводе сдвигов, которые неизвестны инокультурному читателю, а зачастую – и носителю языка. Чтобы компенсировать дифференциал в значениях получателя и отправителя, переводчик часто прибегает к приему генерализации, к расширениям. Иногда экстралингвистические причины заставляют переводчика опустить ту или иную информацию из текста оригинала в силу её нерелевантности для адресата перевода и для смысла текста. Среди экстралингвистических причин переводческих преобразований важную роль играют принятые в языковом коллективе адресата перевода социально значимые нормы речевого поведения, сложившиеся традиции.

Также следует подчеркнуть, что все факторы, влияющие на переводческий выбор, взаимодействуют самым тесным образом. Чисто лингвистические причины переводческих преобразований носят как бы вторичный характер по сравнению с экстралингвистическими факторами, об-

разующими речевую ситуацию. Это связано с тем, что языковые средства многозначны, переводчик всегда может выбрать один из многих вариантов перевода, а речевая ситуация однозначна в каждый данный момент общения. Языковые средства речевой ситуации коррелируют также с жанром текста. В данном случае мы имеем дело с прецедентными текстами. Это и то, что предложения-имена относятся к безэквивалентной лексике, заставляет нас применять следующие типы трансформаций:

- 1) подбор русского эквивалента или общепотребительного словосочетания (реже – слова) с близким значением;
- 2) транскрипция;
- 3) транслитерация;
- 4) описательный (разъяснительный) перевод [1].

Рассмотрим применение этих способов на практике.

Mit anderen Worten: jegliche Apodiktizität, inklusive dieser hier, jeglicher diskursive Terrorismus, jedes «so-und-nicht-anders-ist-es-gewesen», jeder Versuch, nachweisen zu wollen, wie etwas – ein historisches Ereignis, eine Person, ein Text etc. – «wirklich war», verhindert Objektivität, verschleiert Gewesenheit, entwirkt Wirklichkeit. – Другими словами: какая-либо основанность на логической необходимости, включая, какой-либо дискурсивный «терроризм», каждое «утверждение того что, все будет так а не иначе», каждая попытка подобного рода стремятся подтвердить то что, какое-либо историческое событие, личность, текст и т. д. – «имело место быть». Это препятствует объективности, скрывает прошлое, подтверждает действительность.

В данном случае предложение-имя Йорга Зайделя *so-und-nicht-anders-ist-es-gewesen* не имеет прямого русского эквивалента, что не удивительно, так как состоит из семи отдельных компонентов. Мы постарались подобрать схожий по смыслу эквивалент. Так же, в связи с тем, что переведенное предложение получилось слишком громоздким, мы применили членение предложения [3, с. 367].

Uns, den Zu-spät-Gekommenen, hilft dabei die historische Entfernung. – Нам, людям живущим намного позже, помогает в этом отстраненность в историческом плане.

Как мы видим часть предложения-имени *gekommen* является третьей формой глагола *kommen*, если бы перевели его дословно, то получилось бы нечто вроде «пришедшие намного позже». Как мы видим смысл в этом выражении сильно искажается. Элемент *spät* указывает на действие которое происходит позже. Поэтому у нас получился соответствующий перевод.

Mit dem letzten Gedicht des Algabal-Zyklus, «Vogelschau», dem vielleicht vollkommensten, manifestiert, im Sinne des Wortes, George noch einmal – wahr-scheinlich um den Abschied wissend – eindrucksvoll seinen l'art-pour-l'art-Ästhetizismus – С последним стихотворением из цикла «Алгabal», «Вид с высоты птичьего полета», вероятно самым совершенным, в смысле слов которого он вероятно на прощание еще раз показал свой эстетизм культуры для культуры....

Hört man genau hin, so ist die latente Gewalt hinter der seelischen Kulisse melancholischer Empfindsamkeit nicht zu leugnen, etwa in der Wenn-Dann-Kausalität, die ein anderes, erklärtermaßen geliebtes Leben mit dem eigenen belastet, in gewisser Weise erpresst. – Если внимательно прислушаться, то нельзя отрицать скрытую за кулисами души меланхолической чувствительности силу. Что-то, в причинной связи того что будет или может быть, обременяющее так полюбившуюся размеренную жизнь собственным, особым способом.

Также очень часто мы встречаем в прецедентных текстах лингвокультуры субстантивированные инфинитивы, которые так же в нашем конкретном случае представляют собой предложения-имена. Языковой процесс, который обозначается субстантивацией, в грамматиках четко ограничивается от словообразования с использованием аффиксов: субстантивация не нуждается в каких-либо формальных средствах и не образует новых слов, в том смысле, в ка-

ком это делает производное словообразование. Каждое слово или словосочетание распознаётся по присутствию артикля как существительное или же сочетание с ним. Подобный способ словообразования имеется во всех индоевропейских языках, однако продуктивность его не везде одинакова. Немецкий язык использует его предпочтительнее, чем другие, в сравнении с другими языками, то можно проследить и в разножанровых текстах, где используется множество таких слов. С грамматической точки зрения субстантивированный инфинитив – это не постоянное образование, оно многогранно. Йоханес Эрбен писал, что инфинитив с местоимёнными словами (*das, dies, ein, sein*) или с предлогом может нести функцию существительного, при этом определители, в иных случаях встречающиеся с существительными, оказываются подчинёнными ему [5]. С другой стороны, инфинитив может сохранять свои адвербиальные определения и образовывать с ними тесное единство, при этом определители часто стоят перед инфинитивом, например *durch langes In-den-Akten-Blättern*. Более того субстантивированный инфинитив может встречаться без формальных признаков как и любое существительное, например *Zeugen eines Großwerdens*. И появляется во всех вышеперечисленных комбинациях, на что не указывал Эрбен. Далее рассмотрим примеры:

Gelassenheit will somit auch nicht nur ein Verzichten sein, sondern ein viel schwierigeres Verzichten-Können, das aus der Einsicht in die letztendliche Sinnlosigkeit allen irdischen Strebens geboren werden muss. – Настоящая свобода будет проявляться не только в отказе, но и во многом более трудной возможности самого отрицания, которое должно родиться из познания полной бессмысленности всех земных стремлений.

Sowohl Schöpfer als auch Geschöpf wissen um das Dilemma des Schöpfen-Müssens, um den Zwang zur Neuheit, die sich stets selbst überlebt. – Как создатель, так и творение несут внутреннюю дилем-

му необходимости создавать что-то новое, принуждение к новшеству, которые постоянно обновляются.

«Субстантивированные инфинитивы делают возможным мышление о движении или состоянии в его общности. Этому они добиваются, как и *nomina actionis*, к которым в большинстве и причисляются и которые в греческом и немецком языках одновременно с субстантивацией чистых глагольных форм превалируют над другими способами словообразования» [3, с. 370]. В сравнении с *nomina actionis* на *-ung* и *-nis* субстантивированные инфинитивы проявляют большую продуктивность: действие или состояние понятий, но более наглядно, так сказать мысленно, они не переходят полностью из динамического глагольного статуса в класс существительных. По Эрбену, производные на *-ung* относятся к отглагольным именам. Они служат в содержательном смысле для образования *nomina actionis* и «слов, обозначающих результат действия». Пример:

Nicht um ein als Territorium zu denkendes Land handelt es sich, sondern um das Gebiet der Sprache, das Sprachland und eben das expandiert mit jeder neuen Wort-Ding-Entsprechung. – Речь идет о территории не как о гипотетическом пространстве, а как о области языка, мире функционирования языка и как раз он расширяется с каждой новой денотацией.

Предложения-инфинитивы не являются словотворчеством в прямом смысле, в них лишь проявляется желание приблизить различные явления к пониманию с помощью уже имеющихся в наличии языковых элементов. Если сравнивать возможности выражения в имени-предложении и новообразованных словах, то нужно сказать, что первый способ удобнее. Второй способ требует от читателя больших усилий и понимания. Имена-предложения – целенаправленные и содержательные образования, однако они плохо соотносятся с так называемым чувством языка.

Älter noch ist die Dichtung als Sein-Könnende Geschichte, die Dichtung des Magier, Schamanen, des Zaubers, der

nicht nur die gedichteten Korrelate zu den materiellen und immateriellen Dingen kannte – das Zauberwort, den Zauberspruch – sondern auch Zukunft sah. – Поэтика еще старше чем История материальных преобразований действительности, поэзия мага, шамана, волшебника, который знал не только созданные соответствия к материальным и нематериальным объектам – заклинания, но и видел будущее.

Кроме того, нам встречаются и другие субстантивированные элементы, которые противоречат грамматической норме. Причина этого не только в том, что данные образования от частиц не являются однозначными, но и в том, что в такой форме они не встречаются ни в одной грамматике немецкого языка, другими словами, относятся к безэквивалентной лексике. Именно своей необычностью они и интересны. Приведенные ниже примеры, можно отнести к предложениям-именам выраженным в форме субстантивированных частиц.

Jedenfalls haben wir es nicht mit einer allgemeingültigen Aussage zu tun, die demnach auch keine philosophische Relevanz beansprucht – insofern als Philosophie nur deskriptiv, reflexiv wirksam sein kann, – sondern mit einem Diktum oder anders: es wird eher festgesetzt als festgestellt und auch diese Festsetzung hat eher Gültigkeit im Georgeschen Für-Sich als im An-und-Für-Sich. – Во всяком случае, мы не должны делать это с общеупотребительным высказыванием, которое не претендует на какую-нибудь философскую релевантность – поскольку философия может быть эффективной лишь при описании, а с изречением или чем-нибудь другим: оно скорее просто фиксирует, чем определяет, а это определение имеет силу скорее в смысле «для себя» чем в смысле «для себя и других».

Каждый речевой жанр или область практической деятельности человека определенным образом структурирует и обсуждает окружающую действительность, представляя некий дискурс, макротекст, включенный в определенный социокультурный фреймовый фон. Так как дискурс –

связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), то репрезентативные тексты, рассчитанные и рассматриваемые именно в конкретном семиозисе, порождают новые латентно уже содержащиеся в парадигматической ткани языка смыслы на основе номинативной иерархической структуры.

Сопоставительный анализ оригинальных текстов и текста перевода обнаруживает, что наиболее продуктивными способами перевода прецедентных текстов лингвокультуры являются:

- подбор русского эквивалента или общеупотребительного словосочетания (реже – слова) с близким значением;
- трансформационный перевод (оказиональный переводческий эквивалент);
- описательный (разъяснительный) перевод.

В результате можно выделить релевантные для перевода четыре группы композитов, и соответственно им – наиболее эффективные способы адекватного перевода.

Узуальные композиты. Такие сложные конструкты фиксируются всеми существующими одноязычными и двуязычными словарями, а потому наиболее продуктивным способом перевода данного вида композитов служит подбор русского эквивалента.

Относительно узуальные сложные слова. Подобные сложные слова чаще всего переводятся калькированием, однако в русском языке чаще всего принимают форму словосочетаний.

Третья группа объединяет в своем составе композиты со свойствами: производимость, нормативность, изолированное понимание. Как и предыдущая группа, подобные композиты переводятся либо калькированием, но гораздо чаще описательным переводом.

Четвертая группа композитов объединяет композиты на основании наличия свойств: творимость, новум, изолированное понимание, но они не обладают общепри-

нятостью, нормативностью, частотностью употребления. Эти композиты требуют описательного перевода или перевода окказиональным переводческим соответствием.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. – М., 2004.
2. Бредихин, С. Н. Перевод как вторичное или собственно авторское смыслопорождение // Алломорфные и изоморфные признаки языковых систем в аспекте перевода: межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь, 2007.
3. Бредихин, С. Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации. Монография – Ставрополь, 2014.
4. Вашунин, В. С. Особенности семантической структуры немецких композитов // Научн.тр: МГИ-ИЯ им. М. Тореца. – 1975. – Вып. 1.
5. Erben, J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre // Grundlagen der Germanistik. – Bln.: Erich Schmidt, 1975.
6. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam/Philadelphia, 2010.
7. Stanley, J. Context and Logical Form / J. Stanley // Linguistics and Philosophy. – № 23. – 2000.

УДК 82.01

Ю. Н. Золотых

ПО ПУТИ НАИБОЛЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XXI ВЕКА

В статье речь идет о жанрах современной религиозно-нормативной поэтики. Современное литературоведение исключает из объекта своего исследования обширный пласт текстов, безусловно требующий научной рефлексии.

Ключевые слова: святоотеческая литература, художественность, эстетика словесного творчества, поэтика.

J. N. Zolotych

ALONG THE WAY OF THE GREATEST RESISTANCE: PATRISTIC LITERATURE IN THE CONTEXT OF LITERARY STUDIES OF THE XXI CENTURY

Modern literature studies exclude from its research field vast stratum of texts which certainly requires scientific reflection. The article deals with genres of contemporary religious normative poetics.

Key words: patristic literature, art, verbal creativity aesthetics, poetics.

Традиционно наука рассматривает явления художественной литературы (эпохой становления которой принято считать XVII век), фольклора и древнерусской литературы. Однако если феномены художественной литературы и фольклора изучаются на всем протяжении истории литературы, то тексты,

принадлежащие религиозно-нормативному дискурсу, принято ограничивать понятием «древнерусская литература».

Возникает вопрос: почему применительно к одним и тем же феноменам мы используем столь разные подходы? Почему жанры слова, беседы, поучения рассматриваются